

ВЫБОР РОДИТЕЛЬНОГО / ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ АБСТРАКТНОЙ СЕМАНТИКИ ПРИ ПЕРЕХОДНЫХ ГЛАГОЛАХ С ОТРИЦАНИЕМ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ С ГЛАГОЛАМИ ДАВАТЬ, НАХОДИТЬ, ОБНАРУЖИВАТЬ)

Рассматриваются причины выбора родительного или винительного падежа абстрактных существительных при глаголах «давать», «находить», «обнаруживать». Исследуется структура конструкций, образуемых указанными глаголами и абстрактными существительными. В зависимости от структуры конструкции делятся на группы: односубъектная (описательные предикаты) и двусубъектная, отдельно рассматриваются каузативные конструкции. Рассматривается зависимость причин выбора падежа от типа глагольно-именной конструкции.

Ключевые слова: отрицание; абстрактные существительные; отвлеченные существительные; описательный предикат; выбор падежа при отрицании.

Выбор падежа при отрицании – это такая лингвистическая проблема, которая создает трудности как для обычного носителя языка, так и для лингвиста. Носитель языка должен решить, какую форму существительного – родительного или винительного падежа – выбрать при переходном глаголе с отрицанием: следовать ли строгому правилу или в соответствии с собственным языковым чутьем выражать определенные значения с помощью одной или другой формы. Лингвист должен, во-первых, понять, что происходит в речевом узусе, что изменилось по сравнению с XIX и первой половиной XX в., каково соотношение винительного и родительного падежей в современной языковой системе, и, во-вторых, решить, стоит ли сохранять жесткое правило для употребления падежа при отрицании или сформулировать новое правило-рекомендацию с учетом произошедших изменений.

Нарушения правила строгого употребления родительного падежа фиксируются в литературных текстах начиная с первой трети XIX в. Однако еще в середине XX в. мы находим следующую формулировку: «В современном русском литературном языке общим правилом является употребление при одном и том же глаголе имени существительного в винительном падеже в словосочетаниях без отрицания и в родительном падеже в словосочетаниях с отрицанием» [1. Ч. 1. С. 121].

В Русской грамматике 1980 г. говорят уже не об «общем правиле», а о возможности замены падежа при переходном глаголе с отрицанием: «При переходных глаголах с отрицанием сильноуправляемое имя со знач. объекта может иметь форму род. или вин. п. Единая старая норма обязательного род. п. при глаголах с отрицанием в современном языке под влиянием разговорной речи не выдерживается: во многих случаях употребление вин. п. не только предпочтается, но и является единственно правильным» [2. С. 415]. И далее: «При этом одни факторы диктуют обязательное употребление только вин. или только род. п., другие предопределяют лишь предпочтительное употребление того или другого падежа» [Там же].

К факторам, диктующим обязательное употребление родительного падежа, грамматика относит устой-

чивые глагольные сочетания с существительными абстрактной (отвлеченной) семантики (абстрактными / отвлеченными существительными): «Родительный падеж обязателен в следующих случаях... В ряде устойчивых глагольных сочетаний с отвлеченными существительными (перечни не исчерпывающие): *не играет роли, не производит впечатления, не обращает внимания, не приносит ущерба, не уделяет внимания, не придает значения, не находит отражения, отклика, не получает признания, отклика, отражения*» [2. С. 416].

Подобное указание – на предпочтительность родительного падежа абстрактных существительных при отрицании – дается и в популярных научных изданиях, ориентированных на широкую аудиторию. Так, в частотно-стилистическом словаре вариантов «Грамматическая правильность русской речи» [3] говорится «о предпочтительности формы» родительного падежа у существительных с отвлеченным значением [3. С. 35]. В «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д.Э. Розенталя [4] указано, что «родительный падеж, имеющий в рассматриваемой конструкции значение подчеркнутого отрицания, обычно употребляется... при выражении дополнения отвлеченными существительными: *не дает оснований, не обнаруживает понимания, не теряет надежды, не скрывает радости, не осуществляет контроля, не упускает случая, не делает уступок*» [4. С. 297–298]. (То же в [5. С. 264] и [6. С. 112].)

Действительно, по материалам Национального корпуса русского языка примеров указанных конструкций с существительными отвлеченной семантики в родительном падеже больше, чем с теми же конструкциями с винительным падежом¹. Но чем объяснить далеко не единичные случаи появления винительного падежа? И по какой причине в одних конструкциях родительный держится прочнее, чем в других?

В справочниках, как видно из приведенных цитат, говорится не только об устойчивых сочетаниях, но и о любых конструкциях с отвлеченными существительными. Падеж при отрицании в устойчивых сочетаниях в РГ-80 объясняется тем, что «без отрицания такие сочетания утрачивают идиоматичность» [2. С. 416]. Другими словами, в устойчивых сочетаниях связь

между их частями неразрывна, и для поддержания этой связи нужна форма родительного падежа.

Однако причиной единства глагола и абстрактного существительного может быть не только устойчивый характер конструкции. При сравнении примеров (1) и (2)² становится ясно, что одно и то же абстрактное существительное может образовывать более или менее тесную связь с разными глаголами.

(1) Книга Морисон на эти вопросы *не даёт ответа* [Эдуард Вирапян. Разорванный маршрут // Знание – сила. 2003].

(2) Громким хриплым голосом он трижды позвал жену, но *не услышал ответа* [Андрей Троицкий. Удар из прошлого. 2000].

Конструкция в примере (1) – *не даёт ответа* – представляет собой **описательный предикат**³ – такое сочетание глагола с синтаксически зависимым от него пропозициональным именем существительным (т.е. обозначающим событие, по семантике соотносимое с глаголом), которое можно заменить однословным предикатом (ср. *давать ответ* = *отвечать*, *давать объяснение* = *объяснять* и под.). В таких сочетаниях лексическое значение – ситуации – выражается существительным, а грамматическое – глаголом. При этом и глагол, и существительное относятся как единое целое к одному лицу – в данном случае подлежащему, книге.

Такой связи в конструкции в примере (2) нет. Ситуация ответа существует отдельно от подлежащего и с глаголом единого предиката не образует. Ситуация, выраженная существительным, существует сама по себе, а действие, выраженное глаголом, осуществляется субъектом-подлежащим. Родительный падеж здесь результат **пресуппозиции несуществования** – предположения о том, что объект, выраженный существительным, зависящим от переходного глагола с отрицанием, не существует в мире или в сфере восприятия субъекта. То, что субъект, выраженный подлежащим, не находит ответа, может означать, что либо ответа не существует в мире (жена не ответила), либо его не существует в сфере восприятия субъекта (ответ был, но его не услышали). Родительный падеж в случае (2) не менее обоснован, чем в (1), но обусловлен он не внутриязыковой связью между существительным и глаголом, а пресуппозицией, содержащейся в высказывании.

Далее, если сравнивать конструкции в примерах (2) и (3), то видно, что связь между частями конструкции в них разная.

(3) Многие вопросы *не находили ответа*. Даже, казалось бы, обыкновенные, бытовые [Григорий Фукс. Двое в барабане // Звезда. 2003].

Конструкция в (3) – тоже описательный предикат, как и в (1), но **«обратный» («конверсивный»)**: действие совершается не субъектом, выраженным подлежащим, а наоборот, направлено на него: *не находили ответа* = *на них не отвечали*. Конструкция так же, как и в (1), заменяется на один предикат, но подлежащее при нем – объект, а не субъект.

Исходя из сказанного, конструкции с абстрактными существительными при переходном глаголе с отрицанием можно разделить на две группы:

1) **односубъектные конструкции**, в которых действия по глаголу и по существительному осуществляются одним субъектом;

2) **двусубъектные конструкции**, в которых действия по глаголу и по существительному осуществляются двумя разными субъектами.

В примерах обеих групп превалирует родительный падеж, но обусловлен он разными причинами, как и винительный падеж.

В данном исследовании анализируются примеры из НКРЯ за период 2000–2015 гг. с глаголами *давать*, *находить* и *обнаруживать* и существительными абстрактной семантики. Выбор глаголов обусловлен тем, что в сочетании с абстрактными существительными у них появляются особые значения, притом разных типов:

1) односубъектные конструкции: *дать* – «В сочетании с существительным выражает действие по знач. данного существительного. *Д. согласие (согласиться)*. *Д. трещину (треснуть)*. *Д. приказ (приказать)*» [17]; *найти* – «Испытать, получить что-н. со стороны кого-чего-н. *Н. утешение в занятиях*» [17];

2) двусубъектные конструкции: *дать* – «доставить, принести как результат чего-н. *Труд дал удовлетворение*. *Земля дала урожай*» [17]; *найти* – «Испытать, получить что-н. со стороны кого-чего-н. *Н. удовольствие в беседах с кем-н.*» [17].

Особое значение с абстрактными существительными появляется у глагола *обнаружить* – «Показать, сделать явным, видимым. *О. свою радость*» [17] – значит не просто быть радостным, но и показывать это.

Кроме того, с абстрактными существительными у глагола *дать* возможны конструкции с каузативным значением: *дать* – «Осуществить то, что приводит к значительному результату. *Эксперимент дал хорошие результаты*» [17].

1. Односубъектные конструкции.

К этой группе относятся конструкции, в которых глагол с существительным образуют описательный предикат или «конверсивный» описательный предикат.

Описательные предикаты часто встречаются с существительными речемыслительной семантики: *не даёт оценок* = *не оценивает*⁴ (1.1), не даёт команду = не командует (1.2), не даёт разрешения = не разрешает (1.3), не даёт информации = не информирует (1.4), не нашёл смелости = не осмелился (1.5) и т.п.

(1.1) Только не о том речь. Старая система даже при идеализированных условиях *не даёт* объективной оценки знаниям [коллективный. Ваше отношение к ЕГЭ (2008)].

(1.2) ...Медлительно готовя первую атаку, «зенитчики» с машинной точностью передавали и принимали мяч, свободно-безнаказанно – выбрасывать в прессинг высоко в чужую половину поля Свиридовский команды *не давал*... [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)].

(1.3) Они – над нами! – указал он пальцем в потолок. – Если они *не дают разрешения* – мы ничего сделать не можем. Arbeitsamt – выше всех [Михаил Гиголашвили. Адский рай // Зарубежные записки. 2007].

(1.4) Полиция пока *не даёт* точной информации относительно причины смерти, однако источники уверя-

ют, что это было именно самоубийство [Самоубийственная ипотека. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2009/04/23/world/411919.shtml>].

(1.5) Он не мог различить ничего необычного, но признаться в этом Хану *не нашел смелости* [Дмитрий Глуховский. Метро 2033 (2005)].

В такой конструкции семантика действия выражается существительным, а грамматические характеристики – глаголом-компенсатором⁵, который, по сути, играет роль вспомогательную (впрочем, полностью свою семантику глагол не теряет, хотя основное его значение абстрагируется [19]).

Структура пропозиции в этом случае такова. Глагол и объект совокупно обозначают единый предикат, действие по которому выполняет субъект, выраженный подлежащим при данном глаголе. Так, в (1.1) глагол и зависимое от него существительное образуют единый предикат – «не оценивает»; действие выполняет субъект, выраженный подлежащим, – система.

На рис. 1 изображен механизм выражения пропозиции, где *X* – субъект, выраженный подлежащим и выполняющий действие по предикату.

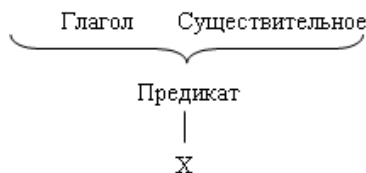

Рис. 1

Таким образом, подобная конструкция образует единое грамматико-семантическое целое, и связь между частями конструкции крепче.

Поскольку в описательных предикатах функции выражения семантического и грамматического смысла распределены между частями конструкции, то связь между ними настолько же крепка, как связь между формой и содержанием в любом языковой знаке. Другими словами, в описательных предикатах с отрицанием накладываются две конструкции: отрицательная и описательного предиката. Отсюда – преобладание примеров с родительным падежом. Окончание **родительного падежа** существительного в этом случае – способ обозначить границу конструкции «не + глагол + существительное», в то время как начало ее маркируется отрицательной частицей.

В «**конверсивных**» **описательных предикатах** (конструкции типа *находит признание*) действие предиката осуществляет не участник ситуации, выраженный подлежащим, а некий другой субъект, как правило, не названный в предложении; при этом действие будет направлено на субъекта, выраженного подлежащим (оно – объект действия). Механизм пропозиции конверсивных предикатов изображен на схеме 2, где *X* – субъект, выраженный подлежащим, а *Y* – субъект, выполняющий действие по предикату.

Так, в примере (1.6) предикат – *не откликаются*, его субъект – *покупатели*, а объект – подлежащее, *попытки*. Действие совершает не участник ситуации, выраженный подлежащим, как в обычном описатель-

ном предикате, а другой субъект; действие же как бы возвращается на участника-подлежащее – и в этом конверсивность данной группы.

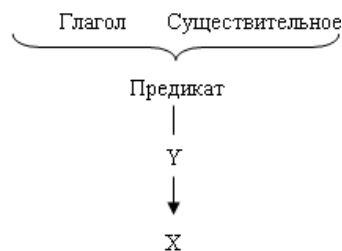

Рис. 2

(1.6) Робкие попытки конкурентов сотворить нечто подобное пока *не находят отклика* у покупателей [Владимир Гаврилов. Зимняя радость. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2010/01/12/cnews/451406.shtml>].

То же в примерах (1.7), (1.8), (1.9) и под.: не нашли объяснения = не были объяснены, не находят подтверждения = его не подтверждают, не находят трактовки = его не трактуют.

(1.7) Одновременно обнаружили ряд побочных эффектов, также *не находивших объяснения* [Недоспасов А.А., Беда Н.В. «Перфторан» – революционная комбинация // Природа. 2005].

(1.8) Однако в благополучной Москве, живущей по социальным стандартам среднестатистической западной столицы, этот тезис пока *не находит подтверждения* [Михаил Фишман. Место для оппозиции // Еженедельный журнал. 2003.04.14].

(1.9) Ни в одной из теорий, основанных на контактных взаимодействиях частиц, экспериментальный феномен бимодального гранулометрического состава *не находит* адекватной *трактовки* и, более того, им противоречит [Генрих Ходаков. Реология суспензий. Теория фазового течения и ее экспериментальное обоснование // Российский химический журнал. 2003].

Как видно, все глагольные формы, к которым относятся «конверсивные» описательные предикаты (не были объяснены, его не подтверждают, его не трактуют), отличаются от глаголов, заменяемых обычными описательными предикатами (*не оценивает*, не командует, не разрешает, не информирует, не осмелился), только залогом; они «обратны» друг другу. Описательные предикаты и их конверсивы объединяет то, что лексическая и грамматическая функции разделены между частями конструкции, потому совокупно они обозначают единую пропозицию, что удерживает родительный падеж.

Кроме того, и в описательных предикатах, и в их конверсивах отрицанию подвергается не существование объекта при отрицаемом глаголе, как для конкретных существительных, а событие, которое лексически объект выражает. Другими словами, отрицается не существование объекта, а факт самого действия. Так, в примере (1.1) отрицается не наличие оценки, а факт ее выражения; в примере (1.6) говорится не о том, что отклика нет, а о том, что покупатели не откликаются.

Появление родительного падежа в описательных предикатах обоих типов будет объясняться целостностью конструкции и нерушимостью ее границ.

Особо стоит оговорить описательные предикаты с глаголом *обнаружить*. В сочетании с абстрактными существительными у него появляется значение «Показать, сделать явным, видимым» [17]. В примерах, где глагол *обнаружить* употребляется в этом значении, он образует описательный предикат: в (1.10) «быть в замешательстве» (как состояние); в (1.11) «не быть знакомыми». Однако на значение предиката будет накладываться дополнительная сема: «показать». Таким образом, в этих примерах появляется Наблюдатель.

(1.10) Чтобы *не обнаружить* своего замешательства, она небрежно отбросила ее на траву, но шляпка покатила – ой, как же быть! – оказалась в речке, где, поплыв, уткнулась в торчавшую из воды зеленую остренькую траву и стала слегка поворачиваться тихим течением [Асар Эппель. Дробленый сатана // Знамя. 2001].

(1.11) При этом, как замечает К.М. Гуревич, авторы постановления о педологических извращениях «не обнаружили никакого знакомства с состоянием дел в мировой науке по изучению детства [А.Н. Лебедев. Отечественные специалисты о советском прошлом психологической науки // Вопросы психологии. 2003. 23 дек.].

Разница будет в существовании / несуществовании объекта: в (1.10) состояние есть, но оно не показано – акцент на дополнительной семе; в (1.11) состояния нет, и поэтому оно не показывается.

Винительный падеж в описательных предикатах при отрицании можно считать следствием тенденции к анализируемости в языке. Конструкция перестает рассматриваться носителями языка как нечто цельное, а «собирается» по частям. Поэтому отпадает необходимость маркировать начало и конец конструкции, важнее становятся значения ее элементов.

Как правило, винительный падеж в описательном предикате встречается в текстах разговорного характера, в которых авторы не слишком заботятся о стилистике текста, как в (1.12), (1.13).

(1.12) Полностью с Вами согласна, но, к сожалению, существуют правила, по которым если клиент *не дает* свое *согласие* на предоставление сведений в БКИ, то банки и не могут этого сделать... [коллективный. Бюро Кредитных Историй. Как найти Кредитную историю, как получить и прочие вопросы (2007–2008)].

(1.13) Аналитики *не дают оценку* сбытов практически вообще. Поэтому просьба сюда выкладывать свою методику расчёта [коллективный. Энергосбыты (2008)].

Однако этого нельзя сказать о примере (1.14). В этом предложении автор сознательно использует винительный падеж, но не для того, чтобы что-то подчеркнуть. Скорее здесь можно говорить об отсутствии восприятия отрицательной конструкции как единого целого, как это было представлено в старой прескриптивной норме родительного падежа.

(1.14) Это люди, которые собираются сделать определенное дело. Они *не дают клятву* на всю жизнь, что мы всегда будем вместе [Ольга Андреева, Сергей Юрский. Артель Юрского и мутация мира // Русский репортер. 2008. № 3 (33)].

Подобные винительные падежи – объясняемые невосприятием целостности конструкции, могут быть объяснены отсутствием четкого правила в школьных учебниках. Так, о том, что дополнение при переходном глаголе может стоять не только в винительном падеже, говорится только в двух учебниках [20. С. 110; 21. С. 146]; и в том и в другом не дается прескриптивного правила замены падежа. В результате носители языка могут узнать об этом правиле только из справочников, но к ним обращаются далеко не все.

Другое объяснение, не связанное с тенденцией к анализируемости, находят примеры (1.15) и (1.16). В (1.15) информация есть, но ее не предоставляют. В (1.16) винительный падеж объясняется референтностью ситуации, выраженной существительным: это эвфемизм; оценка есть, и она понятна читателю.

(1.15) Позвонить туда или лучше приехать, так как по телефону часто *не дают* такую *информацию*, ну а если вы родственница и спросите лично в СИЗО, то вам обязаны ответить, куда его этапировать [Коллективный. КПЗ, СИЗО и суд. Суды (2010–2012)].

(1.16) Впрочем, некоторые мужчины, позвольте мне сейчас *не давать оценку* их умственным способностям, боясь признаться в том, что с удовольствием читают Маринину, Полякову, Устинову [Дарья Донцова. Доллары царя Гороха (2004)].

Таким образом, винительный падеж при описательных предикатах появляется в тех случаях, когда автор не ощущает единства конструкции либо когда ему необходимо подчеркнуть референтность ситуации, выраженной объектом. Стоит, однако, отметить, что для описательных предикатов примеры с винительным падежом составляют меньшинство, что говорит о том, что носители языка не могут совершенно отказаться от единства и цельности подобных конструкций.

2. Двусубъектные конструкции.

В эту группу отнесем сочетания типа *давать время* – условно назовем эту группу «**глагол + объект**». В отличие от описательных предикатов, в сочетаниях этой группы глагол и существительное образуют разные пропозиции, субъектом для которых будут разные участники (см. рис. 3, где *X* – субъект, выраженный подлежащим; *Y* – другой субъект).

Например, в (2.1) субъект *X* – я; субъект *Y* – они. «Я» выполняет действие по глаголу *находила*, «они» характеризуются по существительному *веселье*. Обе пропозиции – поиск и веселье – существуют отдельно друг от друга.

(2.1) Наверное, им было холодно и весело, но я, смотревшая пристально, *не находила веселья* [Елена Чижова. Лавра // Звезда. 2002].

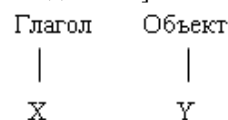

Рис. 3

Таким образом, абстрактное существительное *весьма* будет так же находиться вне предиката, как и любое конкретное существительное. Отрицаться будет наличие объекта. Следовательно, для этой группы можно говорить о действии фактора пресуппозиции несуществования – подразумеваемом отсутствии объекта в действительности или сфере восприятия субъекта [22]. Отсюда – **родительный падеж**.

Так, в примерах (2.2), (2.3), (2.4) можно говорить о несуществовании или отсутствии объекта. В (2.2) и (2.3) объекты – *упоминания* и *картина* – не существуют в мире вообще; в (2.4) – *противоречия* не существуют в сфере субъекта.

(2.2) Наверное может показаться странным, но в сибирском космо я практически *не нахожу упоминаний* Тюмени, не говоря уже о других северных городах⁶ [ЯНАО (форум) (2006)].

(2.3) В нашей стране аналогичные исследования выполнены в единичных случаях (например, В.Н. Дружининым и Н.В. Хазратовой), и они *не дают* ясной *картины* о склонности креативных людей к высокой тревожности и о степени распространения данного явления среди творчески одаренных личностей в России [Е.Ю. Лукаш. Отношение к социальной адаптации у творчески одаренных детей в России и в США // Вопросы психологии. 2004.08.10].

(2.4) Важно отметить, что Верховный суд США рассмотрел этот вопрос и *не нашел противоречия* с конституцией [Раддай Райхлин. Победителей не судят // Лебедь (Бостон). 2003.10.26].

Как можно объяснить появление в таких примерах объектов в **винительном падеже**? Очевидно, вместо пресуппозиции несуществования будет действовать другой фактор, а именно стремление автора подчеркнуть референтность объекта. В примерах (2.5), (2.6) объекты референтны: технология – то, которую дать могли бы, она существует и герой о ней предположительно знает; сравнительные показатели заездов, как предполагает автор, где-то существуют, но он их не может найти.

(2.5) Просто тому же Вестингаузу *технологии* никто *не дает*, вот он и вынужден учиться на кошках... [коллективный. ТВС-Квадрат (2012)].

(2.6) Нигде *не найду* сравнительные *показатели* заездов болидов F2004 и F2005 команды Ferrari. Кто знает – пишите [Автогонки-1 (форум) (2005)].

О референтности можно говорить и применительно к (2.7). Под словом «подделка» здесь может пониматься как подделанный предмет, так и факт подделки (словарь С.И. Ожегова [17] предусматривает оба эти значения), тем более что широкий контекст дает возможность обеих интерпретаций⁷. При любом понимании винительный падеж объясняется референтностью объекта: субъект знал о том, что объект не подлинный (ср. с (2.8), в котором подделка нереперентна).

(2.7) За то, что они *не обнаружили*⁸ *подделку*, им было обещано полтора миллиона долларов [Андрей Ростовский. Русский синдикат (2000)].

(2.8) Мужик лет сорока с загорелым дочерна лицом лесосплавщика и мозолистыми руками плотника,

дальнозорко отстраняя паспорта, проверил личности гостей. Перебрал накладные. Вникал в качество документов. *Не обнаружив подделки*, потеплел глазами [Виктор Мясников. Водка (2000)].

Таким образом, к конструкциям, семантически включающим две пропозиции, может быть применен критерий пресуппозиции несуществования, как и к конструкциям с конкретными существительными [23]. Нивелироваться действие этого фактора может с помощью выраженной референтности объекта, при которой объект не может не существовать в мире или в восприятии субъекта – в момент совершения действия или в прошлом.

3. Каузативные конструкции.

Отдельную группу конструкций с переходным глаголом с отрицанием и зависимым от него абстрактным существительным составляют конструкции с каузативным значением. В таких конструкциях абстрактное существительное обозначает некоторое событие, а глагол имеет значение каузации этого события (см. рис. 4, где *X* – субъект, выраженный подлежащим; *Y* – другой субъект). Отрицание в них в первую очередь действует на глагол-каузатор, а через него – на событие, обозначаемое существительным: нет каузации – нет события.

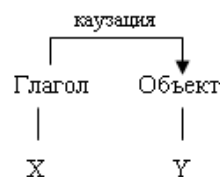

Рис. 4

Эта группа неоднородная; механизм выбора падежа в одних случаях будет таким, как в группе односубъектных конструкций; в других случаях – как у двусубъектных. На основании этого можно выделить две группы каузативных конструкций с абстрактным существительным.

К первой группе каузативных глаголов отнесем конструкции, в которых абстрактное существительное, обозначающее событие, вместе с глаголом может быть заменено одним глаголом (как в описательных предикатах), в семантику которого включено значение каузации. В (3.1) это конструкция *дает загрязнение* = *каузирует загрязнение* = *загрязняет*.

(3.1) Это зеленый атом, тот же принцип, что и во всех древних машинах. Она *не дает загрязнения* ни при каких обстоятельствах и стоит крайне дорого – такой батареи нет даже у моей «Хеннелоры» [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)].

То же в (3.2) (3.3) (3.4): не дает света = не каузирует светло = не освещает, не дают защиты = не каузируют защищенность = не защищают, не дает осложнений = не каузирует осложнения = не осложняет.

(3.2) Темно, только красный китайский фонарик совсем низко над кроватью, но он почти *не дает света* [Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009)].

(3.3) Они, конечно, *не дают* стопроцентной *защиты*, но такого, чтобы прививка вовсе не влияла на

вероятность заражения, не было никогда [Борис Жуков. Эстафета наступания на грабли // Русский репортер. 2009. № 14 (93). 16–23 апреля].

(3.4) Прививка от кори безвредна и *не дает осложнений* [коллективный. В Москве приняты особые меры по профилактике кори. Что будет? (2012)].

Родительный падеж при отрицании в этих конструкциях так же частотен, как и в описательных предикатах, и объясняется тем же: тут так же одно значение разделено между разными словами.

Винительный появляется по тем же причинам: референтность (3.5) и тенденция к аналитизму.

(3.5) Температура в помещениях не превышает 7–9 градусов. Тепло не дает котельная, находящаяся на территории колонии [Коллективный. Колонии Нижегородской области (2009–2011)].

Составляющие каузативной конструкции другой группы не могут быть заменены на один глагол, как в примерах второй группы с двусубъектными конструкциями.

Отрицательную конструкцию в (3.6) можно прочесть следующим образом: *не давал развода* = *каузировав не разводиться*. Здесь отрицается глагол *давать*, а через него – и ситуация развода. Другими словами, ситуация не существует – то же, что пресуппозиция несуществования в примерах с родительным падежом в двусубъектных конструкциях.

(3.6) В одном из них я и узнала, что Щеглова рассталась со здешним мужем, очень, кстати, приличным человеком, который много лет *не давал* ей *развода*, но все-таки сдался... [Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980–2006)].

Так же в (3.7) (3.8) (3.9): нет каузации и, соответственно, нет блеска, повода и кайфа.

(3.7) Такой тонкий слой лака, частично впитанный поверхностным слоем древесины, *не дает* сильного *блеска*, но достаточно хорошо защищает поверхность [Алла Персияненко. Лесные фантазии // Народное творчество. 2004.08.16].

(3.8) А между тем материалы русской земской статистики *не давали повода* для таких ленинских обобщений [Гавриил Попов. Ошибка в проекте. Ленинский тупик // Наука и жизнь. 2009].

(3.9) Когда все уходили, он заново переваривал остатки, выжимая для себя какие-то крохи второй свежести: «вторяк» *кайфа* практически *не давал*, но

ломку снять на время мог [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)].

Определение причин появления в этих конструкциях винительного падежа пока представляет трудность. Говорить о референтности, как в двусубъектных конструкциях, применительно к таким примерам, как (3.10) (3.11) (3.12), нельзя; в этих контекстах ожидается родительный падеж.

(3.10) Конечно, людям без сердца она позволяет предполагать, что они всё знают об этом сочинении, но она же, как темные очки, *не дает возможность* разглядеть мир в истинных красках... [Сергей Есин. Марбург (2005)].

(3.11) Точно так же как промах педагога *не дает право* применять к нему угрозы физической расправы [Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)].

(3.12) А вот сверхспособности *не дают счастье*, скорее наоборот [Дети индиго (обсуждение публикации) (форум) (2006–2007)].

Так, применение фактора референтности к примерам этой группы не представляется совершенно бесспорным. Группа каузативных конструкций представляет собой материал для отдельного исследования, поэтому в рамках данной статьи оставим ее в стороне.

Таким образом, абстрактное (отвлеченное) значение имени существительного само по себе не может считаться фактором, требующим родительного падежа при переходном глаголе с отрицанием. В отрицательных конструкциях с абстрактным существительным действуют другие факторы, зависящие от семантической структуры конструкции. Так, в односубъектных конструкциях (описательные предикаты и «конверсивные» описательные предикаты) родительный падеж – часть отрицательной конструкции, маркер ее границы наряду с частицей *не*; винительный падеж появляется под действием тенденции к аналитизму и распада отрицательной конструкции как единого целого или при появлении более сильного семантического фактора (тематической позиции имени в тема-рематической структуре высказывания или фактора референтности). Такой же механизм обнаруживают описательные предикаты с каузативным значением. В двусубъектных конструкциях родительный падеж определяется пресуппозицией несуществования ситуации или действия, выраженного именем существительным, в то время как в винительном падеже стоят референтные объекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Правда, соотношение количества примеров с родительным и винительным у конструкций разное: у одних примеры с родительным падежом в подавляющем большинстве (соотношение для *не обнаруживает понимания* – 3:0; *не теряет надежды* – 16:1, *не скрывает радости* – 39:1, *не делает уступок* – 101:1); для других примеров с винительным сравнительно больше (*не дает оснований* – 25:7, *не упускает случая* – 5:3).

² Примеры из НКРЯ.

³ В научной литературе также встречаются термины: лексикализованные сочетания [7], глагольно-описательные выражения [8], устойчивые глагольные сочетания [9], субстантивные описания [10], перифразы [11], глагольно-именные сочетания [12], перифрастические устойчивые сочетания [13], аналитические предикаты [14], глагольно-именные перифрастические обороты [15], описательные предикаты [16].

⁴ У существительных типа *закключение* появляется второе значение, конкретно-предметное – «документ».

⁵ По терминологии коммуникативной грамматики [18].

⁶ Пунктуация автора сохранена.

⁷ «Операцией руководили Масами и Ешиаки. Нам стало известно, что эти двое вступили в предательский сговор с китайцами. В их обязанности входило тщательно, при помощи специального оборудования, проверить передаваемые наличные деньги. За то, что они не обнаружили подделку, им было обещано полтора миллиона долларов» [Ростовский А. Русский синдикат. Цит. по: www.litmir.co].

⁸ Здесь глагол обнаружить в первом значении – «найти».

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика современного русского литературного языка. Т. II : Синтаксис. М. : Наука, 1954. 511 с.
2. Русская грамматика. М. : Наука, 1980. Т. 2. 714 с.
3. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М. : Наука, 1976. 456 с.
4. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И.Б. Голуб. 16-е изд. М. : Айрис-пресс, 2012. 368 с.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. 3-е изд. М. : Айрис-пресс, 2003. 832 с.
6. Розенталь Д.Э. Управление в русском языке : словарь-справочник для работников печати. М. : Книга, 1981. 207 с.
7. Ожегов С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2. С. 31–53.
8. Мордвилко А.П. Глагольно-именные описательные выражения как особый тип устойчивых словосочетаний // Русский язык в школе. 1961. № 4. С. 24–29.
9. Силукова В.А. Переходные типы устойчивых глагольных словосочетаний с винительным падежом существительного в современном русском языке // Ученые записки Ленинградского педагогического института им. Герцена. 1963. Т. 248. С. 115–123.
10. Дмитриева Н.С. Процесс десемантизации глагола в составе субстантивных описаний // Очерки по семантике русского глагола. Уфа, 1971. С. 27–37.
11. Шубина А.В. О специфических особенностях функционирования перифразы и однокоренного глагола-синонима // Русский язык в школе. 1973. № 2. С. 89–92.
12. Дерibas В.М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка : словарь-справочник. Изд. (1, 2-е), 3-е, испр. и доп. М. : Рус. яз., (1975, 1979), 1983. 256 с.
13. Жулинская Л.К. Значения перифрастических устойчивых сочетаний глагольного характера и форма их распространения // Русский язык в школе. 1975. № 2. С. 93–96.
14. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М. : Высш. шк., 1976. 141 с.
15. Похмельных В.В. Некоторые особенности функционирования глагольно-именных перифрастических оборотов // Русский язык в школе. 1985. № 3. С. 72–77.
16. Канза Р. Описательный способ выражения семантического предиката в современном русском языке (предикат со значением состояния человека) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 253 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80 тыс. слов и фразеологический выражений / Российская АН. Институт рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. 944 с.
18. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.
19. Макавич Г.В. Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке. Челябинск, 1995. 152 с.
20. Русский язык. 6 класс : учеб. для общеобразоват. организаций : в 2 ч. Ч. 2 / [М.Т. Баранов, Т.А. Ладыженская, Л.А. Тростенцова и др.; науч. ред. Н.М. Шанский]. 5-е изд. М. : Просвещение, 2015. 175 с. : ил.
21. Бабайцева В.В. Русский язык. Теория. 5–9 кл. Углубл. изуч. : учеб. для общеобразоват. учреждений. М. : Дрофа, 2012. 415 с.
22. Падучева Е.В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21–43.
23. Беляева А.В. Генитив при глаголах обладания и восприятия // Объектный генитив при отрицании в русском языке / [ред. кол.: А.Б. Летуций, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова; сост. Е.В. Рахилина]. М. : Пробел-2000, 2008. С. 57–77.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 26 января 2016 г.

THE ABSTRACT NOUN GENITIVE / ACCUSATIVE CASE CHOICE IN TRANSITIVE VERBS UNDER NEGATION (CORPUS STUDY OF CONSTRUCTIONS WITH VERBS *DAVAT'*, *NAKHODIT'*, *OBNARUZHIVAT'*)

Tomsk State University Journal, 2016, 403, 15–22. DOI: 10.17223/15617793/403/3

Fesenko Vera P. The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: verun4ik_18@mail.ru

Keywords: negation; abstract nouns; descriptive predicate; case choice under negation.

The object case choice in transitive verbs under negation is one of problem questions in modern Russian linguistics. Modern grammars and reference books in Russian recommend to use abstract nouns in negative constructions in the genitive case. The reason for the recommendation is the stable character of constructions with abstract nouns for the firmer stability inside of the construction. But the reason could be not only in the construction stability. One of the alternative reasons is that many constructions with abstract nouns constitute descriptive predicates (*ne daet otveta* = *ne otvechaet* [gives no answer = does not answer]). In such a construction the semantics of the action is expressed by a noun, and grammatical characteristics are expressed by a verb-compensator which plays a supporting role. Since the function of semantic and grammatical meaning expression in descriptive predicates is distributed between parts of the construction, the relationship between them is as strong as the link between form and content in any language sign. In other words, two constructions overlap: the negative and the descriptive predicates. Hence the predominance of examples with the genitive case takes place. The genitive case ending in noun in this case is a way to demarcate the construction “*ne* [not] + verb + noun”, while its beginning is marked by a negative particle. A verb and a noun in a descriptive predicate refer to the same subject. That is why these structures with descriptive predicates are referred to as *one-subject constructions*. The same mechanism works in constructions like *ne nakhodit otveta* [does not find an answer]: they can also be replaced by a single verb, but in a passive form; this is the same descriptive predicate, but “reverse”, “conversive”. The verb and the noun in the “conversive” descriptive predicate, like in the ordinary one, belong to the same subject, but the subject is the object rather than the subject. The accusative case in descriptive predicates under negation can be considered as a consequence of the tendency to analytism in language. The construction begins to be considered by native speakers not as a whole, but as parts that are brought together. Therefore, there is no need to mark the boundaries of the construction, its elements are much more important. Negative constructions with a verb and an abstract noun do not constitute a descriptive predicate (*ne uslyshal otveta* [did not hear the answer]), the genitive case is a consequence of non-existence presupposition: if no response is heard, it probably does not exist. At the same time, the verb and the noun refer to different subjects: one subject responds while the other one hears the answer. These constructions are referred to as *two-subject constructions*. The accusative case appears in two-subject constructions when the author wants to mark the referential status of an object. The study deals

with examples taken from the National Corpus of the Russian Language for 2000–2015 with verbs *davat'* [give], *nakhodit'* [find] and *obnaruzhivat'* [discover] that in combination with abstract nouns allow both types of the construction. The examples of both groups mostly contain genitive nouns, but it is caused by different reasons, like accusative ones.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (ed.) (1954) *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [The grammar of modern Russian literary language]. Vol. II. Moscow: Nauka.
2. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
3. Graudina, L.K., Itskovich, V.A. & Katlinskaya, L.P. (1976) *Grammaticheskaya pravil'nost' russkiy rechi. Opyt chastotno-stilisticheskogo slovaryay variantov* [Grammatical correctness of Russian speech. Experience of the frequency stylistic dictionary of choices]. Moscow: Nauka.
4. Rozental', D.E. (2012) *Spravochnik po pravopisaniiyu i literaturnoy pravke* [Handbook of spelling and literary editing]. 16th ed. Moscow: Ayris-press.
5. Rozental', D.E. & Telenkova, M.A. (2003) *Slovar' trudnostey russkogo yazyka* [The Dictionary of the difficulties of the Russian language]. 3rd ed. Moscow: Ayris-press.
6. Rozental', D.E. (1981) *Upravlenie v russkom yazyke: slovar'-spravochnik dlya rabotnikov pechati* [Patterns in the Russian language: Glossary for printing workers]. Moscow: Kniga.
7. Ozhegov, S.I. (1957) O strukture frazeologii: (v svyazi s proektom frazeologicheskogo slovaryay russkogo yazyka) [On the structure of phraseology (in connection with the project of a phraseology dictionary of Russian)]. *Leksikograficheskii sbornik*. 2. pp. 31–53.
8. Mordvilko, A.P. (1961) Glagol'no-imennyye opisatel'nye vyrazheniya kak osoby tip ustoychivyykh slovosochetaniy [Descriptive verbal-nominal expressions as a special type of stable word combinations]. *Russkiy yazyk v shkole*. 4. pp. 24–29.
9. Silukova, B.A. (1963) Perekhodnye tipy ustoychivyykh glagol'nykh slovosochetaniy s vinitel'nym padezhom sushchestvitel'nogo v sovremennom russkom yazyke [Transitional types of stable verbal phrases with the accusative case of a noun in the modern Russian language]. *Uchenye zapiski Leningradskogo pedagogicheskogo instituta im. Gertsena*. 248. pp. 115–123.
10. Dmitrieva, N.S. (1971) Protseess desemantizatsii glagola v sostave substantivnykh opisaniy [Desemantization of the verb as a part of substantive descriptions]. In: Nesterov, A.F. (ed.) *Ocherki po semantike russkogo glagola* [Essays on the semantics of the Russian verb]. Ufa: BGU im. 40-letiya Oktyabrya.
11. Shubina, A.B. (1973) O spetsificheskikh osobennostyakh funktsionirovaniya perifrazy i odnokorennogo glagola-sinonima [On the specifics of the functioning of periphrases and single-rooted verb synonyms]. *Russkiy yazyk v shkole*. 3. pp. 89–92.
12. Deribas, V.M. (1983) *Ustoychivyye glagol'no-imennyye slovosochetaniya russkogo yazyka: slovar'-spravochnik* [Stable verb-noun phrases of the Russian language: a reference book]. 3rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
13. Zhulinskaya, L.K. (1975) Znacheniya perifrasticheskikh ustoychivyykh sochetaniy glagol'nogo kharaktera i forma ikh rasprostraneniya [Meanings of periphrastic stable combinations of verbal nature and their distribution]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2. pp. 93–96.
14. Lekant, P.A. (1976) *Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom yazyke* [Types and forms of the predicate in modern Russian]. Moscow: Vysshaya shkola.
15. Pokhmel'nykh, V.V. (1985) Nekotorye osobennosti funktsionirovaniya glagol'no-imennyykh perifrasticheskikh oborotov [Some features of the functioning of verbal-nominal periphrastic phrases]. *Russkiy yazyk v shkole*. 3. pp. 72–77.
16. Kanza, R. (1991) *Opisatel'nyy sposob vyrazheniya semanticheskogo predikata v sovremennom russkom yazyke (predikat so znacheniem sostoyaniya cheloveka)* [The descriptive method of the semantic predicate expression in the modern Russian language (the predicate with the meaning of the human condition)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
17. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2006) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. 80 tys. slov i frazeologicheskii vyrazheniy* [Explanatory Dictionary of the Russian language. 80 thousand words and phraseological expressions]. 4th ed. Moscow: A TEMP.
18. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (2004) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian language]. Moscow: V.V. Vinogradova Institute of the Russian Language, RAS.
19. Makovich, G.V. (1995) *Opisatel'nye predikaty so znacheniem konkretnogo deystviya, povedeniya, kognitivno-poznavatel'noy i rechevoy deyatel'nosti v sovremennom russkom yazyke* [Descriptive predicates with the meaning of a particular action, behavior, cognitive and speech activity in the modern Russian language]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University.
20. Shanskiy, N.M. (ed.) (2015) *Russkiy yazyk. 6 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsiy: v 2 ch.* [Russian language. Grade 6: for general education organizations: in 2 parts]. 5th ed. Pt. 2. Moscow: Prosveshchenie.
21. Babaytseva, V.V. (2012) *Russkiy yazyk. Teoriya. 5–9 kl. Uglubl. izuch.* [Russian language. Theory. Grades 5–9. In-depth study]. Moscow: Drofa.
22. Paducheva, E.V. (2006) Genitiv dopolneniya v otritsatel'nom predlozhenii [The genitive of the object in the negative sentence]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 21–43.
23. Belyaeva, A.V. (2008) Genitiv pri glagolakh obladaniya i vospriyatiya [The genitive with verbs of possession and perception]. In: Rakhilina, E.V. *Ob'ektnyy genitiv pri otritsanii v russkom yazyke* [Object genitive under negation in Russian]. Moscow: Probel-2000. pp. 57–77.

Received: 26 January 2016